

# ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО „ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА“

## Допрос подсудимого Ягоды

### (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ролку, который занимал должность заместителя начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым. Спустил несколько часов. Запросивший сообщил мне, что органы НКВД были извещены Николаевым, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова. Николаев был освобожден. Вскоре после этого Киров был убит этим самым Николаевым.

Таким образом я категорически заявляю, что убийство Кирова было проведено по решению центра «право-троцкистского блока». По решению этого же центра были произведены террористические акты и умышленные убийства Куйбышева, Менжинского и Горького.

Как тут обстоит дело? Еще до убийства Кирова умер сын Горького—Максим. Я уже заявлял суду, что я признаю свое участие в заговоре и хитрости, но ходатайствую вторично у суда о перенесении моих объяснений по этому делу на закрытое заседание суда.

**Председательствующий Ульрих** (к прокурору). У вас нет возражений, чтобы вопрос о смерти Пешкова перенести на закрытое заседание суда?

**Вышинский**. Я не возражаю, имея в виду, что результаты этого выяснения могут быть определены на открытом заседании.

**Председательствующий Ульрих**. Суд определил ходатайство подсудимого Ягоды удовлетворить, и вопрос о смерти Пешкова переносится на закрытое заседание.

**Подсудимый Ягода**, продолжайте дальше.

Ягода. К этому времени было произведено умерщвление Менжинского. Я отрицаю, что в деле умерщвления Менжинского мною руководили личные соображения. На пост руководителя ОПТУ я претендовал не по личным соображениям, не из карьеристских соображений, а в интересах нашей заговорщической организации. Решение центра по этому вопросу мне было передано лично Енукидзе. В обоих этих случаях были использованы врачи, что создавало полную гарантию в смысле невозможности разоблачения.

Когда Енукидзе передавал решение постоянного центра об убийстве Кирова, я выразил опасения, что прямой террористический акт может провалиться не только меня, но и всю организацию. Я указывал Енукидзе на менее опасный способ и напомнил ему, Енукидзе, о том, как при помощи врачей был умерщвлен Менжинский. Енукидзе ответил, что убийство Кирова должно совершиться так, как намечено, и что убийство это возлагал на себя троцкисты и элевонцы, а наше дело—не мешать.

Через несколько времени, при следующей встрече моей с Енукидзе, он сообщил мне, что центр принял решение приступить к ряду террористических актов над членами Политбюро и, кроме того, персонально над Максимом Горьким. Енукидзе мне объяснил, что «право-троцкистский блок», имея в виду, как ближайшую перспективу свержение Советской власти, видит в лице Горького опасную фигуру. Горький—по-

колеблемый сторонник сталинского руководства и, несомненно, в случае реализации заговора поднимет голос протеста против нас, заговорщиков. Учитывая огромный авторитет Горького внутри и вне страны, центр, по словам Енукидзе, принял категорическое решение о физическом устранении Горького.

Я заявляю, что сидящие здесь, на скамье подсудимых, Рыков, Бухарин и др. несут полную ответственность за эти террористические акты. Я заявляю, что по их решению эти акты были осуществлены.

После назначения Елова Народным Комиссаром Внутренних Дел было совершенно ясно, что вся деятельность нашей группы, а также «право-троцкистского блока», будет раскрыта. Елов уже начал разгром кадров заговорщиков и, конечно, мог добраться до центра блока и до меня в частности.

И вот, во имя спасения нашей организации, во имя спасения Рыкова, Бухарина и др. мы решили убить Елова. Отправление производил Бутанов.

Я не отрицаю также факта посылки по требованию Енукидзе денег Троцкому через Мирово-Абрамова.

**Вышинский**. Скажите, подсудимый Ягода, вы в своей преступной деятельности покрывали меньшевиков?

**Ягода**. Я не смогу вам ответить на этот вопрос.

**Вышинский**. Позвольте мне предъявить Ягоде его показания в том II-м, лист дела 135: «вопрос: вам представляется документ из материалов НКВД, в котором сообщается о меньшевистском центре за границей и об активной его работе в СССР... Вы припоминаете этот факт?»

**Ягода**. Да, я знаю, я только не смогу на это ответить здесь.

**Вышинский**. На этом документе в ноябре 1935 года наложена следующая резолюция: «Это давно не партия и возмущать с ними не стоит». Ответ: Да, это резолюция писана и... И дальше вышло объяснение: «...это только одно из проявлений того, как я оберегал от провала и отводил удар от меньшевиков, потому что они находились в контакте с правыми». Подтверждаете это?

**Вышинский**. Значит из этого можно сделать заключение, что правые были в контакте с меньшевиками в подпольной заговорщической работе и что вы покрывали эту их подпольную заговорщическую работу, отводили от них удар за ударом? Так?

**Ягода**. Показание мое правильно.

**Вышинский**. Следовательно, в вашей практике вы оберегали от провала меньшевиков? Правильно?

**Ягода**. Правильно.

**Вышинский**. Теперь скажите, пожалуйста, какова была роль, по вашим данным, подсудимых Рыкова и Бухарина в умерщвлении Алексея Максимовича Горького?

**Ягода**. Со слов Енукидзе я знал, что они принимали участие в обсуждении этого вопроса.

**Вышинский**. По поводу Рыкова мы этот вопрос выяснили. Рыков признал, что в

разговоре с Енукидзе у них стоял вопрос о возможности террористического акта.

(Обращается к Бухарину). Я хочу вас спросить, подсудимый Бухарин, вам известно, какое было отношение Алексея Максимовича к Троцкому?

**Бухарин**. Резко отрицательное.

**Вышинский**. А вам известно, какое отношение было Троцкого к Алексею Максимовичу Горькому?

**Бухарин**. Тоже самое—резко отрицательное.

**Вышинский**. На основании каких фактов?

**Бессонов**. На основании того, что высказал Троцкий в личном разговоре со мной.

**Вышинский**. Вы подтверждаете, что вы показывали на суде, что Троцкий передавал через вас директиву о физическом уничтожении Горького?

**Бессонов**. Да, я передавал это задание Троцкому Пятакову.

**Вышинский**. Вам известно, подсудимый Бухарин, что это враждебное отношение к Горькому имело место не только со стороны Троцкого, но и троцкистов?

**Бухарин**. Да, конечно, потому что Троцкий и троцкисты это единая суть. Заговорщики подчинялись ему на военный манер. В 1935 году Томский мне сказал, что Троцкий готовит какую-то враждебную акцию или враждебный акт против Горького.

**Вышинский**. Он вам не сказал, почему троцкисты готовили эту враждебную акцию или акт против Горького?

**Бухарин**. Он этого не сказал. Он сказал, что эта акция против «сталинского Горького», как защитника социалистического строительства вообще, сталинской партийной политики, в частности. Думаю, что здесь речь шла о том большом резонансе, который каждое слово Алексея Максимовича имело на международной арене вообще, у интеллигенции, в частности.

**Вышинский**. Скажите, совершенно враждебного акта над Горьким связывал ли Томский с вопросом о свержении советского правительства?

**Бухарин**. По существу связывал.

**Вышинский**. Следовательно, вы знали, что идет речь о каком-то враждебном акте против Горького?

**Бухарин**. Да.

**Вышинский**. Когда говорят о враждебном акте, то можно разуметь и очень серьезные враждебные акты, вплоть до террористических?

**Бухарин**. Да, от выступления в печати или непрямого разговора до террористического акта—амплитуда колебания очень большая.

**Вышинский**. Не исключено, что именно тогда и шла речь о физическом устранении, об убийстве Горького?

**Бухарин**. Теперь я считаю, что это не исключено.

расстройство желудка при большой температуре.

После того, как расстройство желудка появилось, Виноградов лично—это я знаю наверняка—дал большую слабительную, и, выйдя из комнаты больного, сказал: «Для непосвященного ясно, что при такой температуре нельзя давать слабительное».

Консультум, который был создан по настоянию Алексея Максимовича Горького, поставил вопрос о применении блокады по методу Сперанского, но доктор Виноградов, Левин и Плетнев категорически возражали и изложили, что надо подождать еще немного. В ночь на одиннадцатое число, когда Максим уже фактически умерал и у него появились судороги, решили применить блокаду по методу Сперанского, но сам Сперанский сказал, что уже поздно и не имеет смысла этого делать.

Итак, 11 мая Максим умер. Я уже показывал, что я лично был заинтересован в убийстве Максима Пешкова. Ягода дал мне нож в руки. Я убил Максима по указанию Ягоды.

Я забыл еще прибавить. Когда был разговор Ягоды со мной об убийстве Максима Пешкова, он мне сказал: «Плеет Петрович, я в два счета могу отстранить вас от Горького, вы в моих руках. Малейший неловкий шаг по отношению ко мне повлечет для вас более, чем неприятные последствия».

Совершив это преступление, я вынужден был пойти на более ужасное преступление—на убийство Горького. Ягода поставил прямо вопрос, что необходимо приступить к разрушению здоровья Горького.

**Председательствующий Ульрих**. Подсудимый Плетнев, расскажите суду о ваших преступных деяниях перед советской властью.

**Плетнев**. Летом 1934 года по моему обращению доктор Левин и сказал, что меня хочет позвать Ягода, причем сказал, что он будет ко мне обращаться не как пациент. Через несколько дней за мной приехал машина, и я был привезен в кабинет Ягоды. Он начал со мной беседу на политическую тему. Он сказал, что намеревался переворот, в котором он участвует; из других лиц он называл только одного Енукидзе. Через некоторое время Левин арестовал Енукидзе и назвал мне участие в антисоветском заговоре арестованного Енукидзе. Ягода сказал, что они с Енукидзе решили привлечь, помимо Левина, и меня и что требуется наша помощь в деле устранения двух лиц. Эти два лица были: Максим Горький и Куйбышев. Я возражал, говоря, что, во-первых, Максим Горький—писатель, что, во-вторых, это—два больших человека, которым по существу не так долго осталось жить. Ягода сказал: «Они больны, но они чрезвычайно активны, и вопрос не в том, чтобы устранить только здоровых, а в том, чтобы уменьшить продолжительность и интенсивность активности этих лиц», и добавлял, что Максим Горький особенно значителен как внутри страны, так и за границей. Он сказал, что выбрал меня не только как медицинское лицо, но и потому, что знает мое антисоветское настроение.

Предложение его было подкреплено сильными угрозами по отношению ко мне и по отношению к моей семье. Я редко бывал у Куйбышева. У Горького я бывал всегда с доктором Левным, когда Горький тяжело болел. Я был консултантом, домашним врачом Горького был Левин.

План лечения был выработан мною совместно с Левным, а за него несответственность так же, как и Левин.

Изложенное Левным я подтверждаю. Горький был очень слаб здоровьем, что было известно тогда всем врачам. На вскрытии было подтверждено, что Горький жил с одной третью легких. Следовательно, его физическое переутомление, какал-нибудь инфаркт—это могло оказаться роковым. Никаких посторонних ядов не вводилось, а был проведен режим, который был вреден для Горького.

Количеством и качеством лекарств были все допустимы, а индивидуально для Горького они были вредны. Конечно, это не меняет сути дела. Токсическое влияние, вредное влияние проявилось потому, что предел выносливости у Горького был меньше, чем у другого человека.

Что же касалось умерщвления Куйбышева, то изложенное Левным совершенно справедливо. Вследствие очень напряженной, очень нервной жизни у Куйбышева не хватало сил. Пузыри были возбуждающие средства, которые воспринимались им в виде фантастических гормонов. Их нельзя воспринимать непрерывно в течение 365 дней в году, нужно делать перерывы, а эти перерывы не делались. Соответственно влияние оказывали также и сердечные лекарства, которые Левин назначал.

**Вышинский**. Как вы характеризуете свои настроения в то время, когда были пригласены Ягодой для соговора об убийстве Куйбышева и Горького? Были у вас тогда антисоветские настроения?

**Плетнев**. Были.

**Вышинский**. А вы маскировали эти настроения?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Каким образом?

**Плетнев**. Неоднократно говорил о полной поддержке всех тех мероприятий, которые проводились Советской властью.

**Вышинский**. А в действительности?

его. Я заколебался, стал убеждать от исполнения этого поручения. Ягода сказал, что он не оставит меня перед тем, чтобы разоблачить меня, как убийцу Максима Пешкова. При этом Ягода дал мне недвусмысленно понять, что если бы я выдумал сослаться на него—из этого ничего не выйдет. «Самодельная весть будет вести мои люди»,—замечал Ягода. И я пошел на это преступление. Левин сегодня показав, как я простужал Горького. Здесь наши действия были согласованы, то-есть я спрашивал совета Левина. Зимой 1935—36 г. г. Максим Горький проводил в Крыму в Тессели. Я жил в Москве, но каждые три недели, месяц я приезжал туда. Я устраивал длительные прогулки Алексея Максимовича, я организовывал постоянные съезды костров. Дым костров, естественно, действовал на разрушенные легкие Горького. И в это время, в период 1935—36 г. Горький в Крыму не отдохнул, а, наоборот, уставший возвращался в Москву.

Возвращение его в Москву было организовано мной, вернее, ускорено Ягодой, который как с убийством Максима Пешкова, так и с убийством М. Горького торпел меня. Когда я был в Крыму, я по телефону говорил с Ягодой. Ягода меня торпел, говорит: необходимо приехать в Москву Горького,—несмотря на то, что в Крыму была в это время очень теплая погода, а в Москве холодная. Я говорю Горькому по телефону в Москву. Горький соглашается, собирается ехать, приблизительно, 26-го мая 1936 года Надежда Алексеевна Пешкова вдова Максима Алексеевича Пешкова позвонила по телефону,

сообщила, что ехать ни в коем случае нельзя, погода в Москве холодная, к тому же внушки Алексея Максимовича, то-есть ее дочери, находящиеся в Москве, болны гриппом при довольно высокой температуре. Через день или два я опять разговаривал с Ягодой. Ягода говорит мне, что внушки совершенно здоровы, поправились и необходимо угостить Алексея Максимовича едой. Я Алексей Максимовичу передал это, и 26—27 мая мы выехали в Москву. 31-го мая, немедленно по приезде, Алексей Максимович отправился к внушкам, которые действительно болели гриппом, температура была повышенной, и от 31-го мая заболел. 31 мая вечером был вызван доктор Левин. Левин определял небольшой грипп, но 2-го июня сам Алексей Максимович, разговаривая со мной утром, спросил: «Что говорит врач?» Я ответил: «Грипп», а он говорит: «По-моему, у меня начинается воспаление легких, я вижу что мокрота». Я тогда позвонил Левину. Левин приехал и с диагнозом, поставленным самим больным, согласился немедленно. После этого началось лечение в лазаретах. Лечили Горького профессор Плетнев и доктор Левин. Я наблюдал это лечение и должен сказать, что критическое значение сыграло то, что Горькому давали диален, о чем у суда данные имеются. Если до 8 июня 1936 года пухле Горького все же был ровный и деловитый, касаясь до ста тридцати ударов в минуту, то после принятия диалена пульс сразу стал давать резкие скачки, до 160 ударов в минуту.

Вот мое второе ужасное преступление.

## Утреннее заседание 9 марта

## Допрос подсудимого Плетнева

**Плетнев**. Я был несоветским человеком.

**Вышинский**. Антисоветским?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Маскировались?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Дезушничали?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Из чего складывался план, который выработывался вами вместе с Левным в отношении умерщвления Алексея Максимовича Горького? Формулируйте кратко.

**Плетнев**. Утомять организм и тем помешать сопротивляемости.

**Вышинский**. До возможного и доступного человеческого силам предела?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Воспользоваться этим состоянием ослабленного организма—для чего?

**Плетнев**. Для возможной простуды и связанной с простудой инфекции.

**Вышинский**. То-есть умышленно создать обстановку неизбежного заболевания какой-либо болезнью?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. И воспользоваться болезнью, чтобы что сделать?

**Плетнев**. Чтобы применить неправильный метод лечения.

**Вышинский**. Для чего?

**Плетнев**. Для умерщвления Горького.

**Вышинский**. Вот это и был ваш план?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. И вы его выполняли?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Как вы подготовили организм Горького к тому, чтобы он не в состоянии был сопротивляться болезни?

**Плетнев**. Эту технику здесь изложил Левин.

**Вышинский**. Вы этот план поддерживали?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Как вы подготовили организм Горького к тому, чтобы он не в состоянии был сопротивляться болезни?

**Плетнев**. Эту технику здесь изложил Левин.

**Вышинский**. Вы этот план поддерживали?

**Плетнев**. Да.

тению, будучи в действительности «светлым» бандитского мира. Это так?

**Плетнев**. Да.

**Председательствующий Ульрих**. У защитника Коммодов, в ваших показаниях, подсудимый Плетнев, есть место, где вы говорите, что при разговоре с Ягодой, когда вы стали возражать, он вам заявил: предложение дано не для дискуссии, а для проведения в жизнь. Было такое место?

**Плетнев**. Да.

**Защитник Коммодов**. Был ли случай, при свидании с Ягодой, что Ягода сказал, что против вас имеется компрометирующий материал?

**Плетнев**. Он мне его не показал, но он говорил об этом.

**Вышинский** (к Плетневу). А вы не спрашивали, какой же это материал?

**Плетнев**. Нет, не спрашивал.

**Вышинский**. А может быть и материала не было?

**Плетнев**. С моей точки зрения? Я до сих пор не знаю.

**Вышинский**. Если бы вы были серьезным человеком, вы должны были бы спросить, какой материал.

**Плетнев**. Я этого не спросил. Но мое кадетское прошлое...

**Вышинский**. Кадетское прошлое не у вас одного. Что же тогда вас испугало?

**Плетнев**. Общая ситуация.

**Защитник Коммодов**. Вы могли думать, что органы государственной безопасности знают о ваших антисоветских настроениях?

**Плетнев**. Раз у меня они были, следовательно, было и основание для такого предположения.

**Защитник Коммодов**. Ваши антисоветские настроения сами по себе могли бы толкнуть вас на совершение преступления в вашей работе, если бы не было указанного Ягодой?

**Плетнев**. Ни в коем случае.

**Защитник Коммодов**. Сколько лет вы занимались врачебной деятельностью?

**Плетнев**. 40 лет.

**Защитник Коммодов**. Эти 40 лет вы проведи в качестве практикующего врача или занимались научной деятельностью?

**Плетнев**. Я был практикующим врачом, был педагогом, вел научно-исследовательскую работу и был редактором одного из руководящих медицинских журналов в СССР.

**Защитник Коммодов**. У вас имеются научные работы?

**Плетнев**. У меня имеется целый ряд работ.

**Защитник Коммодов**. Больше вопросов нет.

**Вышинский** (к Плетневу). Сколько вы оказали у вас лет нашего врачебного стажа?

**Плетнев**. 40.

**Вышинский**. Вы считаете безупречным этот стаж?

**Плетнев**. Да, я считаю.

**Вышинский**. Вы считаете, что тот разговор, который имеется по хорошему вам известному делу о насилиии, учиненном вами над пациенткой, есть момент, позорный для вашей деятельности?

**Плетнев**. Приговор, да...

**Вышинский**. Приговор порочит вашу деятельность или нет?

**Плетнев**. Порочит.

**Вышинский**. Значит, за 40 лет были порочащие моменты?

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Больше вопросов нет.

**Плетнев**. Да.

**Вышинский**. Больше вопросов нет.

(Продолжение см. на 4 стр.)

## Допрос подсудимого Крючкова

**Председательствующий Ульрих**. Подсудимый Крючков, поскольку вы подтвердили уже свои показания, данные на предварительном следствии, расскажите кратко о ваших преступных деяниях.

**Крючков**. Я показания свои подтверждаю полностью. Я преднамеренно убил Максима Горького и его сына—Максима Пешкова. Оба убийства я совершил по указанию Ягоды и под влиянием его угрозы.

Давая мне поручение убить Максима Пешкова, Ягода освободила меня от предполагаемого государственного переворота и от его, Ягоды, участия. Принимая это поручение, я стал участником контрреволюционной организации правых.

Я не могу скрыть перед судом, как это я показывал и на предварительном следствии, что мои личные интересы совпадали, переплелись с политическими подкалывал этого преступника. В смерти Максима Пешкова я был лично заинтересован. Я полагаю, что со смертью Максима Пешкова я остался единственно близким человеком к Горькому, человеком, к которому может впоследствии перейти большое литературное наследство Горького, которое даст мне в дальнейшем средстве к независимому положению.

С Ягодой я познакомился в 1928 году. Наиболее близкая связь установилась в 1931 г. В 1932 году мы стали встречаться чаще. Ягода часто разговаривал со мной, говорил мы об Алексее Максимовиче. Ягода влиял моя политическая настроенность. Я не верил в силы индустриализации страны, я не верил в коллективизацию страны.

В 1932 году в разговоре со мной Ягода часто намекал мне, что ему известно, что я живу довольно широко и трачу сравнительно большие средства на себя.

**Вышинский**. Откуда у вас эти средства были?

**Крючков**. Я растратывал большие деньги Горького, пользуясь его полным доверием. И вот это поставило меня в какую-то зависимость перед Ягодой. Я боялся того, что он знает, что я трачу деньги и совершаю уголовные преступления. Ягода стал пользоваться мной, чтобы войти в дом

к Горькому, стать ближе к Горькому. Я ему помогал во всем.

В начале 1933 года Ягода в один из разговоров со мной сказал, что Алексей Максимович может скоро умереть, что он стареет, что после смерти Алексея Максимовича расприцудителем литературного наследства Горького останется сын Макс. Вы же привлекли,—говорит Ягода,—жить хорошо, а останетесь в доме в роли прихлебательницы. Это замечание Ягоды смущало меня, и мое смущение заметил Ягода. На этом разговор и кончился.

В 1933 году, кажется весной, как я уже говорил, показывал, Ягода снова возобновил этот разговор со мной и тогда прямо ставил вопрос об устранении, точнее сказать, об убийстве Максима Пешкова.

Он тогда говорил мне так: дело тут не в Максиме Пешкове, необходимо уменьшить активность Горького, которая мешает «большим людям» — Рыкову, Бухарину, Каменеву, Зиновьеву. Разговор происходил в кабинете Ягоды. Он мне говорил также о контрреволюционном перевороте